

ПОЛИТОЛОГИЯ

УДК 316.722

МЕМОРИАЛЬНАЯ СИСТЕМА СОВРЕМЕННЫХ ОБЩЕСТВ

Н. И. Шестов

Шестов Николай Игоревич, доктор политических наук, профессор кафедры политических наук, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, nikshestov@mail.ru

В статье обоснована целесообразность и возможность системного подхода к изучению исторической памяти постсоветских обществ как предмету современных идеологических дискуссий и политических исследований. Для выявления структурных и динамических характеристик исторической памяти предложено использовать категорию «мемориальная система современных обществ». Дана функциональная характеристика основных уровней «мемориальной системы» и связей между ними.

Ключевые слова: политическая культура, историческая память, социально-политическая мифология.

Memorial System of Modern Societies

N. I. Shestov

Nikolay I. Shestov, ORCID 0000-0003-2220-7582, Saratov State University, 83, Astrakhanskaya Str., Saratov, 410012, Russia, nikshestov@mail.ru

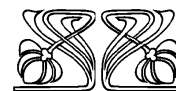
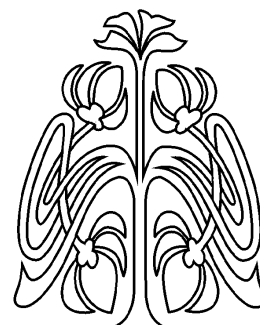
The article substantiates feasibility and possibility of a systematic approach to the study of the historical memory of post-Soviet societies as a subject of contemporary ideological discussions and political studies. To identify the structural and dynamic characteristics of historical memory, it is suggested to use the category "the memorial system of modern societies". The functional characteristics of the main levels of the "memorial system" and the links between them are given.

Key words: political culture, historical memory, social and political mythology.

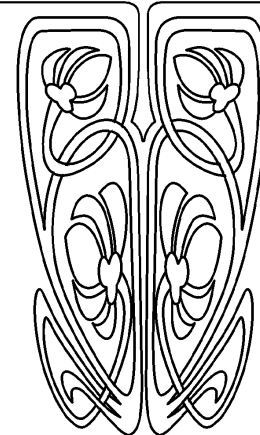
DOI: 10.18500/1818-9601-2017-17-4-435-440

На постсоветском пространстве, особенно в западной его части, в последние десять лет множатся политические конфликты на почве отношения к прошлому. Их субъектами являются отдельные граждане, общественные группы и даже целые государства. Историю переосмысливают, переписывают, иногда придумывают. Герои наций превращаются во врагов наций и наоборот. Одни памятники событиям и деятелям прошлого сносятся, другие устанавливаются. Стимулирует и легитимирует эти усилия «политика памяти», проводимая государственными и общественными элитами бывших советских республик и стран социалистического содружества. Ее идеологическим обоснованием является установка на десоветизацию государства и общества, а потому предметом конфликтов чаще всего выступают инициативы и практические действия государственных и общественных институтов либо отдельных энтузиастов по ревизии исторической памяти и мест памяти. Напряженность этих конфликтов побуждает вспомнить название сборника статей известного французского историка прошлого века Л. Февра: это в полном смысле «Бои за историю»¹.

Понятна озабоченность отечественных историков, политологов, общественных деятелей, работников СМИ, а также действующих политиков теми изменениями, которые претерпевает историческая память современных обществ. Понятна та активность, с которой все они

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

пытаются уяснить для себя и объяснить рядовому российскому гражданину суть, механику и вероятные опасные последствия происходящего для нашей страны. Если длительное время страны и народы развивались в тесном и разностороннем взаимодействии, как это всегда имело место в России и Европе, то пространства их исторической памяти пересекаются, а часто и совпадают. Нестабильность, возникающая в одной части этого общего пространства исторической памяти, неизбежно влечет за собой трудно просчитываемые изменения в других его сегментах. Одно дело, когда с исторической памятью своих обществ политические эксперименты ставят, например, польские, литовские или украинские политики, ученые и журналисты. Это соответствует их интересам, и это их суверенное право. Другое дело, что такого рода эксперименты неизбежно скажутся на состоянии исторической памяти российского общества. В лучшую или худшую сторону – сегодня определенно этого не может сказать никто. Эта неопределенность, естественно, беспокоит всех тех, кто понимает значение исторической памяти как ресурса развития российской социально-политической системы².

Вместе с тем во всех этих творческих усилиях отечественных специалистов по диагностике процессов, идущих в сознании постсоветских обществ и элит, публицистический, обличительный подход заметно преобладает над подходом аналитическим. Специалисты концентрируют свои усилия в основном на доказательстве противоестественности, политической конъюнктурности, а потому временности и бесперспективности тех трансформаций, которые претерпевает историческая память современных обществ и элит в тех странах, чьи геополитические интересы так или иначе конкурируют с российскими³. В публичных дискурсах российских политиков и исследователей часто звучит тезис, что изменения в состоянии исторической памяти граждан, которые сегодня можно наблюдать в сопредельных с Россией государствах, есть исключительно результат злонамеренных манипуляций с массовым сознанием, осуществляемых элитами этих государств⁴. Критики «политики памяти» справедливо отмечают, что политика эта раскалывает гражданские общества и не способствует демократическому процессу в постсоветских государствах и обществах.

Из этого отечественные критики «политики памяти» делают обычно оптимистический вывод, что как только произойдет смена элит и злонамеренные манипуляции с массовым сознанием прекратятся, «историческая правда» восторжествует и историческая память вернется в прежнее состояние. Иначе говоря, по их мнению, то, что сегодня происходит с исторической памятью обществ и элит на постсоветском пространстве, следует воспринимать как нечто пре-

ходящее, почти случайное, «бесмыслицу и в историческом, и в политическом, и в моральном плане» (профессор Дипломатической академии МИД России Лев Клепацкий)⁵, как отклонение от «нормы», к которой массовое сознание современных обществ и элит неизбежно должно будет вернуться.

Есть ряд оснований для того, чтобы не согласиться с таким оптимистическим прогнозом. В нынешней «политике памяти», проводимой постсоветскими элитами и поддерживаемой значительной частью постсоветских гражданских обществ, действительно ярко выражены манипулятивно-технологические моменты. Эта политика действительно временами напоминает «театр абсурда», и у здравомыслящего человека возникает естественное убеждение, что абсурд этот не может длиться долго.

Но, с другой стороны, то, что происходит с исторической памятью сегодня на постсоветском пространстве, не уникально. На протяжении последних двух столетий то состояние, в котором пребывала историческая память восточных и западных европейцев, для многих патриотично настроенных российских интеллектуалов от А. Пушкина и Ф. Тютчева до А. Зиновьева выглядело абсурдом⁶. За последние десятилетия, в сравнении с периодом «холодной войны», например, изменилось лишь то, что этот «театр абсурда» резко приблизился к границам России. Он стал более, чем прежде, заметно и более непосредственно влиять на повестку российской публичной политики. В результате конфликты «нашей» и «их» версий исторической памяти стали сегодня глубже, чем прежде, переживаться значительной частью российских граждан, которые ранее не имели непосредственного повода размышлять на тему прошлого. Теперь такая широкая общественная рефлексия стала частью российской повседневности и одной из несущих конструкций информационного пространства российской политики.

Вместе с тем суть самого конфликта, источником которого являются устойчивые свойства разных версий исторической памяти в разных социально-политических системах, не поменялась. Нынешняя российская версия отечественной и мировой истории органично восходит к советской ее версии. Уже в силу этого она неприемлема для политических и интеллектуальных элит и достаточно большого числа граждан тех постсоветских стран, которые привержены идее «десоветизации» и видят себя частью «Европейского мира». Для них естественно стремление придать собственной и мировой истории такой облик, чтобы в нем как можно больше напоминало бы о прошлых политических конфликтах с Россией и как можно меньше напоминаний было бы о не менее частых и драматичных конфликтах с их соседями на Западе. Poleмика с теми, кто задает исторической памяти своих обществ

антироссийскую направленность, неизбежна и необходима. Речь в данном случае идет о заявлении и отстаивании российских национально-государственных позиций. Имеет смысл принимать во внимание вместе с тем, что и противная сторона в этой полемике не отступит от своих национально-государственных позиций в «политике памяти», несмотря ни на какие увещания, звучащие с российской стороны.

Тем более что наши оппоненты имеют перед своими глазами недавний поучительный опыт собственно российских попыток отступления в «политике памяти» от национально-государственных интересов. В 90-е гг. прошлого века российские либеральные интеллектуалы и политики попытались перекроить историческую память постсоветского российского общества по лекалам, прописанным в «соросовских» учебниках по отечественной и всеобщей истории. Была проведена титаническая организационная и творческая работа по «ликвидации черных дыр и белых пятен» в отечественной истории, а также по насаждению в сознании российских граждан мысли, что есть история «правильная», есть рационально обоснованная в либеральной теории и подтвержденная фактами из истории Запада «магистральная дорога мировой цивилизации», а есть история российская, т. е. «неправильная», основанная на логике абсурда. Результат этих попыток либеральных реформаторов побудить российских граждан видеть свою историю чужими глазами очевиден сегодня для наших оппонентов так же, как и для нас: среди российских граждан, особенно молодых, на рубеже веков заметно выросла численность политических абсентеистов, для которых понятие «национально-государственный интерес» – не тема для размышлений⁷. Это урок, который, очевидно, воспринят и российскими политическими и культурными элитами (судя по тем усилиям по возвращению исторической памяти российских граждан в патристическое русло, которые они сегодня предпринимают), и элитами других постсоветских государств (судя по агрессивной тактике проведения ими собственной «политики памяти»).

Суть урока такова: если гражданин уверен, что он понимает национально-государственный интерес и является его потенциальным защитником в случае внутренних и внешних политических конфликтов, то при всех экспериментах с его исторической памятью, как бы они ни были научно и идеологически мотивированы, последняя каждый раз будет возвращаться в русло этого интереса. Точнее сказать, в русло тех отличий одного национально-государственного интереса от других национально-государственных интересов, которые гражданин обнаруживает и которые он считает важными в качестве собственных ориентиров политического участия.

По этой причине сколько существует различий в национально-государственных инте-

ресах современных обществ, столько будет и вполне естественных (а потому не преодолимых средствами идеологических дискуссий, и даже средствами научной полемики) различий в состоянии исторической памяти этих обществ. Если гражданин обнаруживает в «своем» национально-государственном интересе некие отличия от интересов других наций и государств, то его историческая память будет избирательно прирастать историческими фактами и оценками этих фактов именно по линии нахождения оснований для таких отличий в прошлом.

В сущности, нынешний разлад в исторической памяти современных демократических обществ на постсоветском пространстве и их внутренние гражданские конфликты на почве отношения разных групп населения к своему и своим соседям прошлому есть прямое следствие развития в этих обществах либерально-демократической (т. е. поощряющей индивидуальный выбор гражданином собственного ракурса видения национально-государственного интереса) гражданственности.

Произошло не «повреждение» исторической памяти современных обществ. Скорее, происходит ее возврат (лишь ускоренный информационными манипуляциями и идеологическими конфликтами) к тем смысловым и ценностным координатам, вынужденное отступление от которых имело место прежде. Для одних постсоветских обществ, как для российского например, отступление произошло в эпоху радикальных либеральных реформ. Для других, как, например, для Польши, Украины, Болгарии, прибалтийских государств, оно стимулируется сегодня необходимостью геополитически самоопределиваться в условиях начинающегося нового этапа «холодной войны» между Россией и США. Иначе говоря, происходит ускоренное наращивание исторической памятью современных обществ ресурса национально-государственной политики, что часто и выводит политические конфликты на почве этого ресурса на ее передний план.

Если действительно такова одна из основных тенденций в развитии политико-культурных процессов на постсоветском пространстве, то в ее свете оптимистично выглядит судьба национально-государственной традиции на Евразийском континенте. Сегодня в политической аналитике популярна тема кризиса национально-государственных систем, особенно их суверенитета. В одной, западноевропейской, части континента сегодня действительно назревают проблемы с суверенностью национально-государственных институтов и рациональностью национально-государственной политики. С теми свойствами национально-государственной политики, благодаря которым она исторически успешно конкурировала с имперской традицией. Масштаб этих проблем сегодня до конца не ясен, но будущие

политические и культурные риски очевидны. На остальной же части континента в сознании гражданских обществ и в практике государственных институтов национально-государственная традиция активно развивается. Конкуренция разных стран за энергетические ресурсы и региональное военно-политическое доминирование, усиливающаяся в современном мире, служит стимулом такой активности.

Обстоятельства, отмеченные выше, указывают на то, что историческая память современных обществ, как и в прежние времена, постоянно балансирует между состояниями устойчивости и неустойчивости. Из состояния устойчивости ее обычно выводит конъюнктурный интерес политических и интеллектуальных элит. Интерес этот разделяет та часть граждан, которая в силу разных субъективных причин видит себя «гражданами мира». В состоянии устойчивости ее в условиях национально-государственной политики возвращает идейная консолидация другой части элит и граждан на почве стремления сохранить и усилить свою национально-государственную идентичность и превратить историческую память в ресурс развития, а иногда и самозащиты. Постоянство проявляется и в том, что историческая память современных обществ балансирует в пределах национально-государственного пространства около некоторых «средних значений». Такowymi являются немногочисленные обычно перечни исторических событий и исторических личностей, символизирующих специфику национальных политических интересов и традиций.

Механизм этих колебаний и избирательность подхода сознания граждан в современных обществах к потенциально доступному им объему исторического знания определяется системными свойствами исторической памяти. Историческая память, как структурный элемент и функция массового и индивидуального сознаний в современных гражданских обществах, существует не сама по себе. Она не изолирована от остального пространства политики и политической культуры. Историческая память современных обществ обладает свойством системности. Отечественными специалистами были предложены подходы к анализу исторической памяти как системы⁸. Имели место предложения по анализу механизмов функционирования исторической памяти⁹. Эти предложения представляются не вполне удовлетворительными уже потому, что в структуру «памяти», например, предлагается включать «традиции», «обычаи», «ритуалы» и даже «устное народное творчество». А в качестве основных механизмов приведения исторической памяти в устойчивое и системное состояние предлагается рассматривать школы и вузы. Другая крайность – включение в состав исторической памяти только «рационального и систематизированного», т. е. научного, знания¹⁰.

Представляется, что системность исторической памяти определяется не количеством и разнообразием элементов, которые исследователи, не всегда логично, включают в ее структуру. Системность исторической памяти определяется ее включенностью в «мемориальные системы» современных обществ. Именно включенность исторической памяти в «мемориальную систему» данного национально-государственного образования придает ее развитию колебательную траекторию и побуждает ее на очередном этапе политического процесса возвращаться из неустойчивого положения в устойчивое. «Мемориальная система» – это источник совершенствования исторической памяти и одновременно специфически-национальные рамки (российские, польские, украинские и т. д.), ограничивающие такое движение вопросами к прошлому и ответами на эти вопросы, однажды найденными и хорошо показавшими себя в роли политических мотиваций.

«Мемориальную систему» (подобно тому, как организованы политическая, экономическая и правовая системы современных обществ) образуют связи (конструктивные и конфликтные) интересов разных социальных групп к использованию знаний о прошлом, оценок прошлого и мест памяти в качестве ресурса политических и неполитических коммуникаций. Продолжением этих связей интересом являются связи между различными социальными практиками, в рамках которых актуализируются научные и социальные знания о прошлом. На этом уровне функционирования «мемориальной системы» происходит преобразование исторического факта в политическую ценность, придающую позитивный либо негативный смысл той или иной социальной практике, апеллирующей к данному факту. На этом же уровне, в коммуникациях в сфере публичной политики и в научных и публицистических дискуссиях, происходит отбор и апробация тех исторических фактов и их оценок, из которых складывается «область средних значений», определяющая фактические основания и структуру исторической памяти и всей «мемориальной системы».

Еще один уровень структур и связей, формирующих «мемориальную систему» современных обществ, – это, образно выражаясь, конечные продукты практической реализации социального интереса к прошлому. Они же обеспечивают дальнейшее устойчивое воспроизводство этого интереса в политическом процессе, а также воспроизводство социальных практик, этот интерес реализующих. Продуктом является, собственно, сама историческая память в ее текущем состоянии, в совокупности ее устойчивых и неустойчивых свойств и тенденций развития. Продуктом являются также «места памяти». Для движений исторической памяти и социальных практик, мотивированных ею, они создают своеобразную

матрицу, или систему символических координат, на основании которой (на основании отношения людей к «местам памяти») становится возможным опознание «своих» и «чужих» в политических коммуникациях.

Не случайно сегодня, в ходе реализации «политики памяти» элитами постсоветскими государствами, именно «места памяти» чаще всего оказываются в ее фокусе: разрушаются и восстанавливаются памятники, переписываются биографии исторических личностей и характеристики исторических событий, меняется перечень национальных празднеств и важнейших событий национально-государственной истории. Для сознания отдельных политически деятельных граждан и массового гражданского сознания в целом «места памяти» служат точками соединения рациональных и эмоциональных мотиваций интереса к прошлому, к поиску в нем аргументов в пользу солидарности либо конфликта с тем или иным развитием политических процессов.

Устойчивость всей этой многоуровневой конструкции придает то, что упомянутые связи имеют социально-мифологическую природу. Вся «мемориальная система» функционирует согласно логике социального мифа. Если под таковой логикой понимать не логику фантазии или лжи, а логику оптимизации формата информации. Той информации, которая обладает повышенной значимостью для исторической жизни данной социальной системы, а потому подлежит передаче по каналам социальной коммуникации в максимально неповрежденном и доступном для любого из пользователей виде. Иначе говоря, в «мемориальной системе» информация о прошлом и мотивации социальных практик, опирающиеся на эту информацию, превращается сознанием людей в их историко-политический миф.

Миф обеспечивает четкую формулировку национально-государственного интереса, «схватывание» его сути сознанием гражданина поверх многих нюансов его жизненного опыта, образования, субъективного отношения к политическим деятелям и политическим событиям. В случае сугубо критического отношения гражданина к тем позициям, которые составляют «историческую формулу» национально-государственного интереса, перечисленные субъективные факторы могли бы негативно сказаться на его гражданской лояльности и политической активности. Такой гражданин слишком много времени и сил затрачивал бы на решение тех мировоззренческих проблем, которые с точки зрения государственных и общественных институтов должны быть для него как для гражданина очевидно. Современный гражданин обнаружил бы в истории своего общества и государства, своего ближайшего социального окружения много событий и процессов, не согласующихся с той «формулой» национально-государственного интереса, которую ему предлагают общественные

и государственные институты. Иначе говоря, был бы возможен опасный для судеб публичной демократической политики вариант, что гражданин, поразмыслив над содержанием политических интересов своей нации, предпочел бы им свои, сугубо личные интересы. Приверженность гражданина «своей» социально-политической мифологии не исключает такого варианта полностью. Тем более что на протяжении жизни люди часто меняют свои социальные и культурные ориентации. Для общества готовность гражданина продемонстрировать свою приверженность социально-политическому мифу служит своего рода «страховым полисом» его гражданской лояльности.

Мифологичность связей между интересами, практиками и продуктами обеспечивает максимальный эффект гражданской мобилизации в тех политических ситуациях, когда нужна экономия социальной энергии и социальных ресурсов при решении важных национально-государственных задач: например, при решении задач обеспечения национальной безопасности или при проведении реформ социально-политической системы, т. е. там, где принципиально значим фактор времени и концентрации социальных и государственных ресурсов.

Продукты функционирования «мемориальной системы», будь то структуры исторической памяти, либо «места памяти», также связаны между собой и с социальными интересами и практиками сетью мифологических связей. Благодаря этому в России, например, нынешнее поколение молодых граждан без дополнительных пояснений и расшифровок воспринимает от старших поколений в готовом виде историко-патриотические идеи и практики (как, впрочем, и непатриотические), определенный порядок реагирования на «места памяти» и историческую национально-государственную символику. Категория «мемориальная система» расширяет и усложняет предметное поле исследований современной политики и политической культуры современных постсоветских обществ в части их исторических мотиваций. В таком усложнении есть вместе с тем смысл. О. Б. Леонтьева, например, в своей монографии, посвященной проблемам исторической памяти российского общества XIX и начала XX столетий, констатирует как непреложный факт: «Особенности изучения исторической памяти обусловлены прежде всего тем, что память представляет собой и совокупность текстов, и совокупность образов. Безусловно, текст может быть насыщен образами, а образ – семантически расшифрован с помощью текста. Но в большинстве случаев текст и образ анализируются с помощью различных исследовательских методик и различных категорий»¹¹. «Мемориальная система» – это теоретическая конструкция, посредством которой с единой методологической позиции может быть осуществлено исследование и образа как продук-

та сознания, и текста как продукта социальных практик. Кроме того, в ином ракурсе представит вся логика нынешних политических «боев за историю». Это научные и идеологические споры о будущем больше, чем споры о прошлом. Это споры о способности обществ и элит «управлять своим прошлым» и при необходимости создавать проблемы с «управлением прошлым» для своих политических конкурентов. Это в конечном итоге – обсуждение вопроса о способности современных обществ и элит быть уверенными в своих возможностях «управлять прошлым» настолько, чтобы не сомневаться в том, что будущее, когда оно наступит, тоже будет управляемо и предсказуемо.

Примечания

- ¹ См.: *Февр Л.* Бои за историю. М.: Наука, 1991.
- ² См.: *Вилков А. А., Захарова Т. И.* Сакральные основания власти в политической жизни России. Саратов: ИЦ «Наука», 2010.
- ³ См.: *Пироженко В.* Историческая память на Украине: вчера, сегодня, завтра // Одна Родина. Информационно-аналитическое издание. 15.08.2012. URL: <https://odnarodyna.org/content/istoricheskaya-pamyat-na-ukraine-vchera-segodnya-zavtra> (дата обращения: 04.09.2017); «Украине отшибают историческую память...» // Русская Правда. 05.09.2017. URL: <http://ruspravda.info/Ukraine-otshibayut-istoricheskuyu-pamyat-21208.html> (дата обращения: 05.09.2017).
- ⁴ См.: Д. Г. Новиков: Активно защищать свою историю и свою память. URL: <https://kprf.ru/party-live/sknews/168504.html> (дата обращения: 05.09.2017); К столетию государственности, поляки покажут кто хозяин в Вильнюсе и Львове // Журналистская правда. 05.09.2017. URL: <https://jgazeta.ru/k-stoletiyu-gosudarstvennosti-polyaki-pokazhut-kto-hozyain-v-vilnyuse-i-lvove/> (дата обращения: 05.09.2017).
- ⁵ В отношении России Польша ставит негодные цели // Взгляд. Деловая газета. 05.09.2017. URL: <https://vz.ru/politics/2017/9/2/173966.html> (дата обращения: 05.09.2017).
- ⁶ См.: *Пушкин А. С.* Клеветникам России // Русофобия недопустима в любых проявлениях... URL: <http://www.russophobia.net/56> (дата обращения: 02.09.2017); *Франк С. Л.* Пушкин об отношениях между Россией и Европой // Пушкин-Live. URL: http://pushkin-live.ru/o_pushkine/s-frank-pushkin-ob-otnosheniyah-mezhdugrossiej-i-evtoroj.html (дата обращения: 03.09.2017); *Тютчев Ф. И.* Россия и Запад / сост., вступ. ст., пер. и коммент. Б. Н. Тарасова; отв. ред. О. А. Платонов. М.: Ин-т русской цивилизации, 2011; *Зиновьев А. А.* Русский эксперимент. О русском национализме и русофобии. URL: <http://fanread.ru/book/9413044/?page=85> (дата обращения: 01.09.2017).
- ⁷ См.: Молодежь новой России: ценностные приоритеты. Аналитический доклад. Подготовлен в сотрудничестве с Представительством Фонда имени Фридриха Эберта в Российской Федерации, Москва, 2007. 5.1. Интерес к политике и идейно-политические предпочтения молодежи // Институт социологии Российской академии наук. URL: http://www.isras.ru/analytical_report_Youth_5_1.html (дата обращения: 03.09.2017); *Сулакшин С. С., Захаренко (Хвилья-Олинтер) Н. А.* Система ценностей российской молодежи: экспертная оценка. 15.06.2016 // Центр Сулакшина (Центр научной политической мысли и идеологии). URL: <http://rusrand.ru/docconf/sistema-cennostey-rossiyskoy-molodejiekspertnaya-ocenka> (дата обращения: 05.09.2017).
- ⁸ См.: *Дмитриева М. Г.* Состояние и тенденции развития исторической памяти в массовом сознании российского общества: автореф. дис. ... канд. социол. наук. М., 2005. 30 с. URL: <http://search.rsl.ru/ru/record/01003041340> (дата обращения: 04.09.2017).
- ⁹ См.: *Ахметшина А. В.* Понятие «историческая память» и ее значение в современном российском обществе // Актуальные вопросы общественных наук: социология, политология, философия, история: сб. ст. по материалам XXXVIII междунар. науч.-практ. конф. № 6 (38). Новосибирск: СибАК, 2014. С. 11–15. URL: <https://sibac.info/conf/social/xxxviii/38675> (дата обращения: 04.09.2017).
- ¹⁰ *Шайкина Е. А.* Стирание и изменение исторической памяти как способ манипуляции сознанием // Духовність особистості: методологія, теорія і практика. 2011. № 2 (43). С. 188.
- ¹¹ *Леонтьева О. Б.* Историческая память и образы прошлого в российской культуре XIX – начала XX вв. Самара: ООО «Книга», 2011. С. 9.

Образец для цитирования:

Шестов Н. И. Мемориальная система современных обществ // Изв. Sarat. un-ta. Nov. ser. Ser. Sociologiya. Politologiya. 2017. T. 17, vyp. 4. С. 435–440. DOI: 10.18500/1818-9601-2017-17-4-435-440.

Cite this article as:

Shestov N. I. Memorial System of Modern Societies. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politology*, 2017, vol. 17, iss. 4, pp. 435–440 (in Russian). DOI: 10.18500/1818-9601-2017-17-4-435-440.